

«“Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия»: Г.В. Адамович о романе И.А. Бунина (1929–1952)

© 2021, А.В. Бакунцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: В статье на материале публикаций Г.В. Адамовича в эмигрантской периодике затрагивается проблема критической рецепции романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Бунин в 1928–1939 гг. печатал свой роман частями. При этом появление в журнале «Современные записки» (Париж) каждой из входящих в состав романа пяти книг и выход отдельных книжных изданий предварялись обнародованием фрагментов «Жизни Арсеньева» в эмигрантских газетах. Этим объясняется сравнительно большое количество откликов Адамовича на бунинский роман. Критик не выпускал «Жизнь Арсеньева» из поля своего зрения со времени опубликования в «Современных записках» (1929) ее третьей книги и вплоть до выхода первого полного издания романа в нью-йоркском Издательстве имени Чехова (1952). В статье прослеживается, как с годами корректировалось отношение Адамовича к бунинскому произведению, как в итоге изощренная придирчивость сменялась безоговорочным восхищением. Эмпирический материал сгруппирован с учетом хронологии опубликования «Жизни Арсеньева». В качестве методов исследования использованы принцип историзма и сравнительный анализ.

Ключевые слова: Г.В. Адамович, И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева», критика, русское зарубежье.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 9, 125009 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>. E-mail: auctor@list.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В. «“Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия»: Г.В. Адамович о романе И.А. Бунина (1929–1952) // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 304–325. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-304-325>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П). Автор выражает сердечную благодарность за помощь, оказанную при подготовке статьи, сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также С.Н. Морозову (ИМЛИ РАН) и С.Р. Федякину (Литературный институт им. А.М. Горького).

В обширном критическом наследии Г.В. Адамовича имя И.А. Бунина встречается едва ли не чаще, чем имена других русских писателей конца XIX – первой половины XX вв. Начиная с 1924 г. редкий обзор эмигрантской (а порой — и советской) литературы, принадлежавший перу Адамовича, обходился без упоминания имени Бунина, чье творчество для «первого критика эмиграции» было не только образцом русской прозы, но и чем-то вроде «камертона», которым он как бы поверял «звучание» разбираемых произведений¹. Причем исключением в этом смысле не были и писания самого Бунина: Адамович явно не забывал о пушкинском завете судить художника «по законам, им самим над собою признанным», хотя и оставлял за собой право толковать эти «законы» на свой собственный, иногда подчеркнуто субъективный лад. Очевидно, именно поэтому, признавая Бунина непревзойденным мастером слова, Адамович тем не менее был далек от слепой идеализации его достижений². Критик оценивал их, полагаясь главным образом на свой вкус и вместе с тем стремясь быть предельно честным. На практике — по крайней мере, в межвоенный период — это выражалось в том, что Адамович указывал не только на то, что считал творческими удачами, но и на то, что казалось ему срывами. После войны он проявлял по отношению к Бунину куда большую дипломатичность, неизменно высказываясь о писателе только с похвалой и находя оправдание даже тому, что у других критиков русского зарубежья вызывало отторжение³.

Роман «Жизнь Арсеньева» — как раз одно из тех бунинских произведений, которые — во всяком случае, на первых порах — пробуждали в Адамовиче «смешанные» чувства.

Непосредственно «Жизни Арсеньева» Адамович посвятил девять публикаций — и не раз упоминал этот роман à propos в других своих критических текстах⁴. Такая «частотность» объясняется в первую очередь особенностями обнародования бунинского романа. Дело в том, что «Жизнь Арсеньева» далеко не сразу приобрела тот

¹ Наиболее полную библиографию публикаций Адамовича о Бунине см. на сайте «Академический Бунин» (<http://ivbunin.ru/bibliografiya>). См. также: [5, с. 8–9]. Несомненный интерес представляют и неопубликованные работы критика о писателе — их автографы хранятся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 754. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 10–14).

² О непростом отношении Адамовича к Бунину см.: [5, с. 8–11; 4].

³ См., например: *Адамович Г.* Литературные заметки: Ив. Бунин — «Темные аллеи» // Русские новости. Париж, 1947. 3 янв. (№ 36). С. 6; *Адамович Г.* «Воспоминания» Бунина // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1950. 22 окт. (№ 14058). С. 2.

⁴ См., например: [1]. См. также: *Адамович Г.* Лица и книги // Современные записки. Париж, 1933. № 53. С. 324–334.

облик, который известен нам сегодня. В 1927–1939 гг. роман печатался частями: в виде целого ряда отрывков — в газетах «Россия» (Париж), «Дни» (Париж), «Последние новости» (Париж), в еженедельнике «Иллюстрированная Россия» (Париж); в виде пяти книг, увидевших свет по отдельности в журнале «Современные записки» (Париж); наконец, в виде трех отдельных изданий. Первое из них было выпущено издательством «Современные записки» (Париж) в 1930 г., второе — издательством «Петрополис» (Берлин) в 1935 г. как 11-й том бунинского Собрания сочинений. Оба издания имели подзаголовок «Истоки дней», включали первые четыре книги романа и считались его первым томом. Третьим изданием, вышедшим в 1939 г. под заглавием «Лица» и при этом обозначенным как второй том «Жизни Арсеньева», стала пятая, существенно переработанная и дополненная книга романа. Ее также выпустил «Петрополис», перебравшийся к тому времени в Брюссель.

Полный текст «Жизни Арсеньева», заново отредактированный автором, был опубликован лишь в 1952 г. Издательством имени Чехова (Нью-Йорк).

Адамович, в отличие от других критиков эмиграции, откликнувшихся только на журнальную и на книжные версии «Жизни Арсеньева», обратил внимание еще и на один из фрагментов романа, помещенный в конце 1932 г. в «Последних новостях» (см. об этом ниже).

По отзывам Адамовича можно проследить, как с течением времени и под влиянием некоторых факторов частного свойства менялось его отношение к «Жизни Арсеньева». В конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. Адамович еще не принадлежал к числу безоговорочных почитателей «Жизни Арсеньева» (он стал таковым значительно позже — в преддверии Второй мировой войны), и его тогдашние печатные высказывания об этом произведении не раз задевали авторское самолюбие Бунина (подробнее об этом см. ниже).

Тем не менее решительно на всех этапах создания и обнародования «Жизни Арсеньева» Адамович питал к ней неподдельный интерес. Для критика художественная значимость этого произведения была *в принципе* неоспорима. Недаром в 1929 г., в рецензии на № 39 «Современных записок», он писал следующее, сетуя — как бы от лица всей эмиграции — на перерыв в печати бунинского романа: «...из номера в номер читатели ждут продолжения бунинской “Жизни Арсеньева”. Неужели Бунин оборвал ее. Неужели мы так и не прочтем этого прекрасного повествования? / Размах его был такой, что оно должно было стать главным произведением Бунина.

Писать его Бунин будет, вероятно, очень долго, — то оставляя его для других вещей, то опять к нему возвращаясь. Поэтому и хочется думать, что теперешний перерыв не есть окончание, и если до сих пор мы познакомились только с “детством, отрочеством и юностью” Арсеньева, то нам доведется еще прочесть и записи его... по середине странствия земного»⁵.

«Плач об исчезнувшей России»

В дискуссию вокруг «Жизни Арсеньева» Адамович вступил с некоторым запозданием (но зато и участвовал в ней дольше, чем все прочие критики русского зарубежья). Рецензий на первые две книги бунинского романа, появившиеся соответственно в № 34 и 35 «Современных записок», Адамович не писал, хотя обе книги ему в целом понравились. Своими впечатлениями от них критик делился с З.Н. Гиппиус 23 августа 1928 г.: «Знаете, я прочел наконец “Жизнь Арсеньева” очень внимательно — это прелесть, и я не понимаю, почему было некоторое “неодобрение”⁶. Мне лично не по сердцу это “прощание с погибшей Россией”, т<ак> к<ак> меня оно не трогает, и я могу “распроститься” легче. Но именно Бунин должен был такое

⁵ Адамович Г. Литературная неделя: «Современные записки», кн. XXXIX. — «Клоп» Влад. Маяковского // Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 30 (20 июля). С. 16.

⁶ Вероятно, Адамович имел в виду первые рецензии на «Жизнь Арсеньева» (в частности, М.О. Цетлина и Ю.И. Айхенвальда), в которых наряду с достоинствами отмечались и «недостатки» романа. Так, Цетлин в особенностях бунинской манеры письма видел — «с точки зрения толстовского построения рассказа» — «какую-то отсталость, движение назад», хотя в то же время не исключал вероятности того, что «Жизнь Арсеньева» является «смелым приближением к некоторым самым новейшим, самым последним исканиям европейской прозы» (Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последнюю новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Айхенвальд оценил «Жизнь Арсеньева» еще строже. В частности, критик усмотрел «какой-то анахронизм», в том, что Алексей Арсеньев уже в детские годы обладал «высоким мастерством слова», «исключительным любовным вниманием к природе и погоде», т. е. «позднейшими свойствами и позднейшей наблюдательностью взрослого». Не пришлось Айхенвальду по вкусу и бунинское «злоупотребление» пейзажами: «он [автор] ими больше интересуется, чем его читатель, здесь нет совпадения интересов, и поэтому радуешься, когда он переходит к людям, которые все и всегда интересны». Характерную для «Жизни Арсеньева» «переплетенность двух планов, психологического и фактического, внутреннего и внешнего» критик нашел «не всегда пропорциональной и гармонической» и эту особенность бунинского романа, в сочетании «с медлительным темпом изложения, останавливающегося на одной детали за другой», счел главной причиной того, что «“Жизнь Арсеньева” не легко, не самотеком проникает в наше сознание». Айхенвальд не вполне одобрил и язык «Жизни Арсеньева»: говоря о нем как о «поистине драгоценной словесной ткани», Айхенвальд в то же время трижды назвал эту «ткань» «тяжелой» и признался, что ему в бунинском романе «недостает “легкого дыхания”» (Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. Берлин, 1928. 14 марта (№ 2219). С. 2).

славословие сочинить, и, право, было бы все-таки обидно за “матушку-Русь”, если бы никто ей хорошей отходной не пропел. Это национальный монумент, и мне жаль, что я не могу об этом написать: 1) автор непременно обидится, 2) читатели непременно скажут, “опять подлизывается к Б<унину>” и т. д.» [8, с. 508].

После опубликования третьей книги «Жизни Арсеньева» (в № 37 «Современных записок») Адамович все-таки взялся за перо. Смысловым центром своей рецензии он сделал как раз ту самую мысль, которую высказал в процитированном письме к Гиппиус.

Отмечая некоторое сходство «Жизни Арсеньева» с «Митиной любовью» («не только по теме, но и по самому духу, хотя в “Митиной любви” тон был острее и горестнее»), Адамович отмечал, что «эти прекрасные, иногда необыкновенно-прекрасные главы представляют собой “плач об исчезнувшей России” — гораздо больше, чем биографию какого-то мальчика». В интерпретации Адамовича Бунин своим романом «как будто “пропел отходную” старой России». «Можно не все в ней любить, — рассуждал критик, — не обо всем с сожалением вспоминать. Можно найти в себе силы, чтобы эту утрату, — да и все подобного рода утраты, — стойко и твердо перенести. Но все-таки было бы обидно за “матушку Русь”, если бы над развалинами и обломками ее, над “останками Руси великой” никто даже и не помянул ее достойным поминовением. Бунин, так кровно связанный с родиной, должен был это сделать, и хорошо, что он, не судя и не разделяя, этот свой долг любви и верности исполнил»⁷.

В своей рецензии Адамович особенно выделил «эпизод со смертью и погребением Писарева»: «По силе письма ему не уступают и другие части, но эти страницы более других одухотворены, они напряженнее и драматичнее»⁸.

Этот отзыв не на шутку рассердил Бунина. В.Ф. Ходасевичу писатель жаловался 14 января 1929 г.: «...помилуйте, уж будто бы я только и сделал в этом самом “Арсеньеве”, что “воспел хвалу *матушке* России, о которой, покойнице, лучше все-таки (при всех ее грехах) доброе слово молвить в конце концов”» [6, с. 189]. Однако самому Адамовичу Бунин сделал соответствующий «выговор» значительно позже — уже после того, как критик выпустил одну из двух своих рецензий на № 40 «Современных записок», в котором была опубликована четвертая книга «Жизни Арсеньева».

⁷ Адамович Г. «Современные записки» кн. XXXVII: Часть литературная // Последние новости. 1929. 10 янв. (№ 2850). С. 2.

⁸ Там же.

Эта часть бунинского романа озадачила и публику, и критику. Многих, включая Адамовича, в особенности изумил финал, в котором действие внезапно, прихотью автора, переносилось из России 1890-х гг. на юг Франции конца 1920-х, к гробу великого князя Николая Николаевича-младшего, и так же внезапно обрывалось.

Отношение Адамовича к заключительным (как тогда казалось читателям) главам «Жизни Арсеньева» было весьма противоречивым.

В частности, с точки зрения композиции, финал бунинского романа представлялся критику не вполне оправданным. «По всей вероятности, — писал Адамович в первой своей рецензии (для «Последних новостей»), — это отступление является лишь вольностью в ходе повести, а не ее заключением. Похороны великого князя в качестве заключения всей “Жизни Арсеньева” — это было бы слишком неожиданно, слишком насильственно по отношению к главной линии замысла». Однако при известном условии Адамович готов был принять такой финал и даже признать его символичным. Говоря об этом условии, Адамович снова прибегал к метафоре, которая так рассердила Бунина: «“Жизнь Арсеньева” — это долгий, протяжный “плач о погибшей России”, великолепная “отходная” всему тому, что Бунин в России любил: укладу, строю, устоявшемуся спокойствию и картинному благолепию ее, — и что в прежнем облике никогда не удастся никакими силами воскресить: уж кто-кто может на этот счет обольщаться, только не Бунин»⁹. При подобном истолковании замысла бунинского романа «погребение последнего “вождя”», по мысли Адамовича, как бы символизировало «окончательный конец трехсотлетней династии»¹⁰.

В то же время, с точки зрения чисто эстетической, критик находил, что «по силе одушевления “великокняжеский” эпизод, пожалуй, самый замечательный»: «Бунин вплетает в него описание южной зимней ночи, со стремительным мистралем и черно-вороненым небом, “в белых, синих и красных пылающих звездах”. Он как будто не жалеет никаких средств, чтобы дать картину обреченности и непрочности всего сущего в нашем мире и достигает высокого пафоса»¹¹.

⁹ Спустя годы Адамовичу печатно возражал Ф.А. Степун: «В “Жизни Арсеньева” нет никаких приукрашений прошлого и плача о нем, никаких реставрационно-дворянских тенденций и, главное, нет уже и проклятий революции. Все это, поскольку оно иной раз звучало у Бунина, отошло на задний план, перегорело» (Степун Ф. И.А. Бунин и русская литература // Возрождение. Париж, 1951. Тетр. 13. С. 172).

¹⁰ Адамович Г. «Современные записки»: Книга XL. Часть литературная // Последние новости. 1929. 31 окт. (№ 3144). С. 2.

¹¹ Там же.

Адамовичу определенно не пришлось по душе бунинское изображение провинциальных революционеров, однако свое неодобрение критик постарался выразить максимально деликатно. По мнению Адамовича, в своем неприятии русской революционной интеллигенции Бунин сходилась со столь нелюбимым им Достоевским. Главы о харьковских статистиках в «Жизни Арсеньева», написанные «едко и блестяще, хочется сказать “антологически”», напомнили критику страницы «Бесов» «с незабываемой политической вечеринкой в них»: «Тон и природа насмешки и там и здесь одинаковы». Признавая, что в этих главах Бунин коснулся «темы чрезвычайно значительной в судьбах России и притом в наши дни чрезвычайно “болезненной”», Адамович тем не менее отмечал: «Многое можно было бы ему возразить, но это требует и места, и времени. Самое простое и короткое возражение такое: все эти непримиримые революционеры из харьковского статистического бюро — все это ведь плоть от плоти России, русские из русских. “Отрицание ее прошлого и настоящего”, — как пишет Бунин, — этому нисколько не противоречит, и приходится или принять всю Россию, какова бы она ни была, не только со “Словом о полку Игореве”, несказанной красотой которого Бунин так основательно в своем романе восхищается, но и с провинциальными революционными статистиками, которых он не совсем основательно презирает, — или найти в себе силы спокойной и с учетом последствий от нее отречься»¹².

«Намерения мои были самые лучшие»

Реакция Бунина на процитированный отклик Адамовича не заставила себя ждать. 18 ноября 1929 г. Бунин писал критику: «Конечно, дорогой Георгий Викторович, Ваша заметка причинила мне некоторую грусть. Одно это чего стоит: “великокняжеский эпизод”! <...> Потом опять это упорное утверждение, будто бы цель “Арсеньева” — “плач о погибшей России”... И наконец, самое неожиданное: Ваше возмущение за революционеров. Господи, что Вам до них! И чем я виноват, что молодому Арсеньеву было многое в них несносно? И ужели это несносное выдуманно мною? И почему “нужно и их принимать, раз принимаешь Россию”? А что же Вы не принимаете большевиков, “Чайный Союз Русского народа”, еврейские погромы?» [5, с. 17].

В ответном письме от 3 декабря 1929 г. Адамович одновременно рассыпался в извинениях и старался отстоять свою точку зрения:

¹² Там же.

«Я не думал, что моя заметка о “С<овременных> з<аписках>” может Вас огорчить. Самое большое, я предполагал вызвать у Вас “неудовольствие”, и скорей политическое, чем другое. Простите, если вышло не так. Намерения мои были самые лучшие, правда, — как и всегда, впрочем. Но к одним только восторгам, без рассуждений и возражений, у меня душа не лежит, и, по-моему, они никому не нужны. Я скорей даже ищу, к чему бы придраться. <...> Насчет же нигилистов я, конечно, подпустил гражданского пафоса нарочно. Очень их уж обижают теперь, а были это, кажется, люди недалекие, но и неплохие, — как и вся Россия, хотелось бы мне сказать, если бы это не отдавало “афоризмом”» [5, с. 18–19].

Тем не менее критик, несомненно, учел высказанные ему писателем претензии и во второй своей рецензии на № 40 «Современных записок» (для «Иллюстрированной России») разобрал главы «Жизни Арсеньева» о харьковских революционерах и великом князе Николае Николаевиче, заметно смягчив тон и сместив акценты.

В частности, бунинские «удивительные по художественной силе и меткости страницы о русской революционной интеллигенции конца прошлого века» критик комментировал теперь так: «Трудно согласиться с его оценкой интеллигенции. <...> После всего, что с Россией случилось, каждому русскому хочется найти виновников наших общих несчастий. <...> Бунин к интеллигенции беспощаден. Надо, впрочем, заметить, что он ее судит главным образом с эстетической точки зрения. Бунин, как известно всем, любит природы цельные, гармонические, щедрые, всякая “юродивость” ему ненавистна, а, разумеется, в мелких служащих провинциального статистического бюро, “задыхающихся от произвола”, юродивость была, в изображении же Бунина она прямо разительна»¹³.

Финал бунинского романа с описанием похорон великого князя критик теперь тоже находил мотивированным. «Внушены ли эстетическим отношением к жизни заключительные страницы “Жизни Арсеньева” <...>? — вопрошал Адамович и тут же сам себе отвечал: — Это вовсе не так невозможно, как на первый взгляд кажется»¹⁴.

Явно стремясь угодить писателю и в силу этого как бы перечеркивая собственные недавние суждения о смысле финала «Жизни Арсеньева», Адамович в рецензии для «Иллюстрированной России» сосредоточил внимание на впечатлениях главного героя (которого он фактически отождествлял с автором) от первой «встречи» с великим

¹³ Адамович Г. Литературная неделя: «Современные записки», книга XL // Иллюстрированная Россия. 1929. № 50 (7 дек.). С. 16.

¹⁴ Там же.

князем — на вокзале в Орле, в начале 1890-х гг.: «Идейного сочувствия будущему “вождю” здесь еще нет и в помине. А восторг есть, как всегда является у Бунина восторг перед всем удачливым, удалским, сильным, бодрым, благородным, — да, именно благородным в самом прямом и точном значении слова»¹⁵.

Свой отзыв Адамович заканчивал не только дежурной похвалой, но и чем-то вроде «исторического анекдота» (в пушкинском вкусе), который определенно должен был порадовать Бунина: «Написана глава о великом князе с необыкновенным воодушевлением и мастерством. Один убежденный эсер, непримиримейший из непримиримых, с чем-то похожим на раздражение говорил мне, что над последними страницами “Жизни Арсеньева” он прослезился. Достичь большего Бунин, вероятно, и не желал»¹⁶.

Критик окончательно отказался от своего взгляда на бунинский роман как на «плач по погибшей России» после выхода «Жизни Арсеньева» первым отдельным изданием (Париж, 1930). Из рецензии Адамовича на эту книгу видно, что критик слышал в тексте романа уже не этот «плач», а «напряженно-ровный, страстный и вместе с тем спокойный голос человека, вспоминающего свою прошлую жизнь и думающего о жизни, которая ему еще предстоит, о жизни вообще, о всем мире, о всех людях», «монолог человека перед лицом судьбы и Бога», «восторженное славословие». По мнению критика, «Бунин мог бы поставить эпиграфом к своему роману» лермонтовскую строчку «За все Тебя благодарю я», «дав ей иной, чем у Лермонтова, смысл». «Как все очень редкие книги, в которых действительно есть любовь, — заключал Адамович, — “Жизнь Арсеньева” оставляет в сознании след более длительный и глубокий, чем если бы это было просто “мастерское беллетристическое произведение”. Она — мастерское произведение. Но она и больше этого»¹⁷.

«Жаль, что нельзя всего процитировать»

После 1930 г. публика, по выражению Адамовича, «заждалась» продолжения бунинского романа. Явно «заждался» такого продолжения и сам критик: об этом, в частности, свидетельствует его отклик на один из фрагментов «Жизни Арсеньева», которые с конца 1932 г. снова стали появляться в «Последних новостях».

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Адамович Г. Литературная неделя: «Жизнь Арсеньева» Бунина. — Сын великого отца. — «Игра в любовь» Гумилевского // Иллюстрированная Россия. 1930. № 10 (1 марта). С. 14.

В своем отзыве для «Иллюстрированной России» Адамович отметил, что этот «отрывок — на обычной бунинской высоте» и что «обрадовал он всех не столько сам по себе, сколько как доказательство, что Бунин по-прежнему полон сил и роман свой не оставит незаконченным». «“Жизнь Арсеньева”, — писал далее Адамович, — одна из тех книг, которая в истинной своей прелести и значении раскрывается не сразу. За эти годы она как будто выросла. Никто не знает, каков будет суд будущего. Но если гадать все-таки позволено, то, кажется, Бунина оно должно будет, во всяком случае, принять, — после всех проверок, после всех “переоценок”. / “Митина любовь” и “Жизнь Арсеньева” созданы не только большим художником, но и большим человеком»¹⁸.

Однако полная версия первых 14 глав пятой книги «Жизни Арсеньева», напечатанных в № 52 «Современных записок», критика явно разочаровала.

По мнению Адамовича, новая часть бунинского романа в художественном отношении уступала предыдущим, критик не находил в ней «былого одушевления»: «Будто пропала у Бунина охота к “Жизни Арсеньева”, подчиняясь какой-то внешней необходимости, он к своей повести вернулся, но без страсти и без радости. По привычке он берет страстно-радостный, безотчетно-восторженный, былой арсеньевский тон, — но тут же обрывает его или длит, так сказать, “машинально”, привлекая на помощь все готовые свои слова и приемы, мобилизуя свою творческую память. Это делается с таким умом и художественным тактом, что едва-едва заметно, — но все-таки это заметно»¹⁹.

¹⁸ Адамович Г. Литературная неделя: Бунин // Иллюстрированная Россия. 1933. № 3 (14 янв.). С. 18.

¹⁹ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3. Любопытно, что ряд других, столь же профессиональных и требовательных читателей придерживался прямо противоположного мнения о начале пятой книги «Жизни Арсеньева». Например, П.М. Бицилли писал В.В. Рудневу 7 июня 1933 г.: «Эта часть — на мой вкус — самое гениальное, что только было написано Буниным, да и вообще, величайший и совершеннейший образец художественной прозы. После этого — самых прославленных нынешних французских мастеров по этой части просто невозможно читать» [10, с. 521]. См. также восторженное письмо Н.Н. Берберовой к Бунину, написанное в середине июня 1933 г.: «Иван Алексеевич, я просто сапог, последний сапог, вместе со всеми, пишущими, рядом с Вами!! Ведь это до того замечательно, что мне кажется, что даже Вы сами, первый свой читатель, не знаете, что Вы написали! Ведь каждое слово — как стихи, можно читать без конца, наслаждение идет какими-то толчками, от которых сердцу больно. Между прочим, эти самые толчки (не знаю, не глупое ли слово?) я уже давно заметила — это Ваше свойство затолкать читателя в какое-то безысходное блаженство, но на этот раз это все просто получилось чудовищно великолепно» [7, с. 45].

Впрочем, критик воздерживался от вынесения окончательного «вердикта», допуская, что его впечатление «случайно»: «...попадают ведь всюду, даже и в великих литературных созданиях, страницы сравнительно бледные, а другие более напряженные. Построение вещи порой даже требует смены взлетов и спусков»²⁰.

Тем не менее кое-что в новых главах «Жизни Арсеньева» Адамовичу все-таки понравилось: «Как всегда у Бунина, рассказ тянется, тянется, — и вдруг попадают в нем такие две-три строчки, такой эпитет или такое описание, будто вспыхнула молния; все сразу становится видно». При этом критик утверждал, что «автор оживает, главным образом, в отступлениях от хода фабулы», и в качестве примера приводил «страницу, посвященную театру и актерам» («Эта страница, кстати сказать, подлинно “просится в антологию”. Сколько убийственной меткости, сколько иронии и зоркости!»), и «несколько слов о провинциальной знаменитости, выступающей в роли гоголевского сумасшедшего»²¹.

«Жаль, что нельзя всего процитировать, — сокрушался Адамович. — Эти отрывки не потускнели бы и рядом с толстовскими (чудовищными, но изумительными) страницами, посвященными Шекспиру и Вагнеру, — причем в них гораздо больше правоты. Художник примиряется с театром на высших его ступенях, — но рядовые “священные подмостки”, рядовой “храм искусства” слишком грубо и карикатурно искажают сущность творчества, чтобы он мог все это не презирать и не ненавидеть. Антитеатралы, — вроде покойного Айхенвальда <...>, — поймут Бунина с полуслова»²².

Высказывал ли Бунин свое недовольство этой рецензией ее автору, неизвестно. Однако в отзыве о второй части пятой книги «Жизни Арсеньева», увидевшей свет в № 53 «Современных записок», Адамович явно снова пытался оправдаться перед писателем, а заодно и перед публикой: «Разумеется, когда бунинская “Жизнь Арсеньева” будет закончена и выйдет отдельным изданием, никому не придет в голову разбирать ее по отрывкам. Все сольется, все окажется проникнуто одним замыслом, озарено одним светом, — и откроется, вероятно, необходимость той смены подъемов и разряжений, без

²⁰ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3. В вырезке с этой рецензией, хранящейся в личном фонде Бунина в РГАЛИ, процитированные строки отчеркнуты сбоку на полях и прокомментированы: «Очень глупо! Ив. Б.» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 2. Ед. хр. 146. Л. 21).

²¹ Адамович Г. «Современные записки», кн. 52: Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня (№ 4453). С. 3.

²² Там же.

которой нет творчества. Но сейчас мы об этой необходимости только догадываемся. Каждые три месяца мы читаем по одному отрывку “Жизни Арсеньева”... Трудно удержаться, чтобы не оценивать их как отдельные, почти независимые друг от друга создания, — и сознавая шаткость такого суждения, каждый раз приходится оговариваться, что с настоящим, основательным разбором надо бы повременить»²³.

Далее — точь-в-точь как в 1929 г., — словно забыв о том, что он писал в своей предыдущей рецензии, и, очевидно, нимало не смущаясь непоследовательностью своих суждений, Адамович на все лады расхваливал «новые страницы “Жизни Арсеньева”», отмеченные, по его словам признаками «одушевления», которого Бунин «давно уже не испытывал»: «По содержанию они мало отличаются от других: те же переходы от грусти к восторгу, те же любовные мечты, та же безотчетная тревога... Но каждое слово полно прелести, притом без всякой условно-поэтической “дымки” или вялой расплывчатости: в каждом слове — острота, точность, безошибочная меткость»²⁴.

В этом отзыве Адамович едва ли не впервые высказал мысли, которые впоследствии еще не раз так или иначе повторил в других своих работах о Бунине (включая мемуары): «...пожалуй, это и правда “последний цветок уходящей помещичьей культуры”, как утверждают большевики, — последний, ибо как же не развеяться в наш “машинный”, торопливый век этому легкому и тончайшему мастерству, да и кто переймет и сумеет продолжить это хрупкое очарование? Бунин болезненно ощущает свое творческое одиночество в современном мире. По существу, оно непоправимо. На Бунине обрывается та полоса нашей словесности, в которой еще есть природная, животворящая свежесть, есть какая-то влага, поднимающаяся от земли... Другие писатели пишут иногда очень хорошо. Но пишут сухо, как будто без воздуха и без неба»²⁵.

«Одно с другим сливается в целое»

За годы, минувшие после опубликования в «Современных записках» пятой книги «Жизни Арсеньева», Адамович заметно «вырос» как критик, стал серьезнее, вдумчивее. Он уже не выискивал в текстах разбираемых произведений, «к чему бы придраться», а стремился осмыслить их в целом. Об этом, среди прочего, свидетельствует его рецензия на «Лику» (Брюссель, 1939), которая в эмигрантской

²³ Адамович Г. «Современные записки», кн. 53-я: Часть литературная // Последние новости. 1933. 2 нояб. (№ 4607). С. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

печати анонсировалась как «новый роман Ив. Бунина»²⁶. В этой рецензии от прежней придирчивости (а иногда и чисто мальчишеской задиристости) Адамовича не осталось следа: критик очень спокойно, взвешенно делился с читателем той новой «эстетической радостью», которую доставило ему бунинское детище.

При чтении «нового» бунинского романа Адамович пришел почти к тем же выводам, что и некоторые его коллеги, распознавшие еще в первых книгах «Жизни Арсеньева» нечто большее, чем просто историю взросления некоего частного лица²⁷, и теперь сам писал: «На титульном листе указано, что это “Жизнь Арсеньева”, вторая часть. Можно было бы слово “Арсеньев” зачеркнуть, оставив только “жизнь”. Впечатление только этим словом и удалось бы выразить». Далее, приводя соответствующие выдержки из «Лики», Адамович разъяснял, что под словом «жизнь» он разумеет весь сложный комплекс чувствований, представлений, устремлений бунинского героя, для которого жажда странствий неотделима от жажды любви и творческого самовыражения, а человек неотделим от природы: «...одно с другим сливается в целое, где составных элементов не различить. Это вообще одна из особенностей Бунина: у него нет типов, самодовлеющих описаний, самостоятельно живущих сцен. У него все сплетено»²⁸.

Так же как ряд других критиков, откликнувшихся на «Лику» (в частности, М.А. Алданов, В.В. Вейдле, Ю.В. Мандельштам, П.М. Пильский), Адамович считал, что «история, рассказанная в ней, печальна», и готов был согласиться, что «она, скорее, должна бы настроить на мысли о бренности и шаткости всего земного, чем вызвать спокойствие и радостную бодрость». Однако наряду со скорбью Адамович видел в «Лике» и нечто прямо противоположное: «...независимо от фабулы, порой даже вопреки ей, в книге столько восхищения бытием, признательности за него, какой-то неутолимой жадности к нему, что не поддаться ее духу невозможно». Эта черта бунинского произведения позволила критику причислить писателя к «художникам толстовско-гетевского склада», «как бы настолько

²⁶ Эмигрантская критика (включая Адамовича) не удостоила вниманием второе книжное издание «Жизни Арсеньева», вышедшее в виде 11-го тома бунинского Собрания сочинений (Париж, 1935), — вероятно, потому, что сочла его аналогом первого издания.

²⁷ См.: *Зайцев К.* «Бунинский» мир и «сириинский» мир // Россия и славянство. Париж, 1929. 9 нояб. (№ 50). С. 3; *Пильский П.* Иван Бунин: О новой книге Ив. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сегодня. Рига, 1930. 21 февр. (№ 52). С. 3.

²⁸ *Адамович Г.* Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.

дружных с миром, настолько согласных с его основным строем, что, нравится или не нравится им обстановка их личного существования, они ищут не избавления от него, а объяснения ему и его несовершенству». Заочно полемизируя с Антоном Крайним (З.Н. Гиппиус), с его толкованием сути «трагедии Бунина», который будто бы одновременно принимал и не принимал мир²⁹, Адамович утверждал, что бунинское творчество, «особенно позднее, теперешнее», «как бы соединяет восторг с горечью, с сознанием всего жестокого и страшного, входящего в ткань жизни»³⁰.

В «Лике», которую, к слову, Адамович считал не романом, а повестью, критика главным образом занимал ее «нерв», ее ключевой конфликт, который казался ему «родственным» одному из конфликтов в «Анне Карениной».

«“Лика”, — утверждал Адамович, — повесть о страстном стремлении к любви и о невозможности одной любовью, только любовью, удовлетвориться. В этом смысле книга эта очень мужская, родственная тому, что отражено в размовке Вронского с Анной Карениной: Вронский ведь любит Анну, а заставляет ее страдать только потому, что для него жизнь не исчерпывается любовью, как хотела бы Анна. У Бунина Арсеньев перед Ликой виноват, пожалуй, больше. Арсеньев эгоистичен и мало внимателен к любящей его женщине, и кое в чем ее обида основательна. Лика неслучайно в прощальном письме желает ему быть счастливым “в новой, уже совсем свободной жизни”. Она чувствует, что свобода ему нужна, по меньшей мере, так же, как ее любовь, и сколько бы ни горевал он после ее ухода, природы своей ему не изменить. Ей, Лике, нужен он, — и больше ничего. Ему, Арсеньеву, нужна она, — и что-то еще»³¹.

По мнению критика, «все в Лике наводит на мысль, что эта любовь двадцатилетнего мальчика есть томление о женщине вообще, безотчетное, безымянное, и что она могла бы быть обращена к другой. В этом, между прочим, одно из свидетельств глубокой правдивости бунинского замысла». Развивая далее мысль о случайности любого возникающего чувства и обманчивости веры в «бессмертную любовь», Адамович находил, что именно противоречие между этой верой и тем, что он считал истинным положением вещей, «в “Лике”

²⁹ См.: *Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Литературные размышления // Числа. Париж, 1930. № 1. С. 148.*

³⁰ *Адамович Г. Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лика» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.*

³¹ Там же.

разительно» и что «оно-то и придает повести ее пронзительный, ее “щемящий” привкус»³².

Так же как в одной из своих первых рецензий на «Жизнь Арсеньева», Адамович сравнивал «Лику» с «Митиной любовью», делая акцент на «разнице в темах обеих книг, при некотором внешнем сходстве их». Митиной страсти — по версии критика, безысходной, «прямо, можно даже сказать логически» приводящей к смерти и, «как бы ни была ничтожна Катя», исключаяющей «мысль о ее замене», несмотря на «эпизод с деревенской бабой», который эту безысходность только усугубил, — Адамович противопоставлял арсеньевское «влечение ко всему миру, ко всем женщинам, и способность найти непрочное, недолгое счастье всюду»³³.

Особой похвалы со стороны критика удостоились описания путешествий Арсеньева по России и бунинское «чувство древней Руси». То, что Арсеньев «видит в своих странствиях, передано не “хорошо” или “удачно”; это передано волшебю. Дело не в стиле, не в блестяще подобранных эпитетах, а в каком-то таком погружении в раскрывающийся перед нами мир, которое неожиданно придает безупречному реализму сказочные, призрачные черты. <...> Читаешь в Париже, с трудом отрываясь от властно всех захвативших теперешних тревог и забот, и вдруг ловишь себя на том, что все забыто, и остается только “какой-то темный, дикий, зимний день, какой-то бревенчатый Кремль с деревянными церквями и черными избами, снежные сугробы, истоптанные конными и пешими в овчинах и лаптях”»³⁴.

И, словно вспомнив давнюю полемику между М.О. Цетлиным и К.И. Зайцевым о соотношении в «Жизни Арсеньева» гетевских категорий «Dichtung» и «Wahrheit»³⁵, Адамович резюмировал: «В этой

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ «Dichtung und Wahrheit» («Поэзия и правда, 1811–1831) — автобиографическое сочинение И.-В. Гете. В рецензии на первую книгу «Жизни Арсеньева», опубликованную в № 34 «Современных записок», Цетлин, в частности, писал: «“Жизнь Арсеньева” и отдаленно не похожа ни на одну из знакомых нам автобиографических повестей, ни на “Dichtung und Wahrheit” Гете, ни на толстовское “Детство” и “Отрочество”», признавая в то же время, что «эта вещь дает ценнейший материал для понимания личности и творчества Бунина» (Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последние новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Как бы возражая Цетлину, К. Зайцев заявлял, что не станет «долго раздумывать о том, есть ли новое большое произведение Бунина “Жизнь Арсеньева” <...> роман или воспоминания, и какое слово, Wahrheit или Dichtung, нужно поставить раньше для характеристики этого произведения». Критик был убежден, что «в “Жизни Арсеньева” Бунин в форме романа (“Dichtung”) пишет о себе, т. е. описывает пережитую Wahrheit своей жизни (Зайцев К. Детство печального счастливица: «Жизнь Арсеньева» Ив. Бунина // Россия. Париж, 1928. 14 апр. (№ 34). С. 2).

книге нет разделения между “поэзией” и “правдой”, в ней одно становится другим»³⁶.

«До чего это несравненно хорошо написано!»

Адамович был единственным из прежних, довоенных критиков, откликнувшимся на первое полное издание «Жизни Арсеньева» (Нью-Йорк, 1952). С выходом этой книги у Адамовича наконец появилась возможность подвергнуть ее тому «настоящему, основательному разбору», о котором он мечтал еще в 1933 г., рецензируя вторую часть пятой книги бунинского романа, напечатанную в № 53 «Современных записок». Однако теперь критика уже не волновал вопрос о «необходимости той смены подъемов и разряжений, без которой нет творчества»³⁷. Теперь он воспринимал и оценивал книгу Бунина в ее целостности, стремясь не столько «разобрать» ее, сколько поделиться вызванными ею впечатлениями.

Думается, для самого Адамовича его статья о «Жизни Арсеньева» (именно статья, а не рецензия или критический очерк, что особо подчеркнуто в ее начальных строках) для нью-йоркской газеты «Новое русское слово» была не просто очередным славословием Бунину. Несмотря на свой внешне-непринужденный, чисто газетный тон, она была выражением искреннего восхищения перед Художником. Об этом можно говорить с уверенностью благодаря письму Адамовича к Бунину от 13 августа 1952 г., которое пронизано тем же чувством: «А еще хочу я Вам написать, что вчера я начал перечитывать “Жизнь Арсеньева” (для статьи) — и читаю ее с чувствами, которые трудно и как-то неловко мне Вам выразить. До чего все хорошо! Я сейчас, только что прочел главы о Ростовцеве <...> — оттого и захотелось мне Вам написать. Как будто мало сказано, а сказано на деле так много, что невозможно не остановиться, чтобы “передохнуть”, — и о России, и о всем, вообще. Простите, я не имею права делать Вам комплименты, но Вы действительно единственный писатель, который был у нас после Толстого, да и неизвестно, будет ли когда-нибудь такой еще» [5, с. 101–102]³⁸.

³⁶ Адамович Г. Литературные заметки: И.А. Бунин. — «Лица» // Последние новости. 1939. 4 мая (№ 6611). С. 3.

³⁷ Адамович Г. «Современные записки», кн. 53-я: Часть литературная // Последние новости. 1933. 2 нояб. (№ 4607). С. 2.

³⁸ Нечто подобное тому, что сказано в последних строках процитированного послания, Бунину писал Алданов еще 2 января 1930 г.: «Вы наш первый писатель и, конечно, у нас такого писателя, как Вы, не было со времени кончины Толстого, который “вне конкуренции”» [9, с. 280].

В своей статье, написанной с необыкновенным тактом, критик сразу давал читателю «Нового русского слова» понять, что речь идет не просто о первоклассном произведении, но о подлинном шедевре: «Начал я перечитывать “Жизнь Арсеньева” как повествование знакомое, собираясь более или менее рассеянно перелистать книгу и, как говорится, “освежить ее в памяти”. Но, еще не успев по-настоящему вникнуть в ее содержание, я был поражен: до чего это несравненно хорошо написано, до чего верно, точно, метко, остро, правдиво в каждом слове! <...> Прочтите, например, <...> рассказ о приезде молодого Арсеньева вечером в незнакомый ему Витебск, сказать, что это отличное описание — значит не сказать ничего. Это воспроизведение, воскрешение, трудно подобрать подходящее слово. Несомненно только то, что подобное “описание” граничит с волшебством»³⁹.

Как видно из процитированного выше письма Адамовича к Бунину, новое издание «Жизни Арсеньева» окончательно уверило критика в непохожести ее автора на классиков русской литературы, с которыми его любили сравнивать. И эту уверенность Адамович, вслед за М.О. Цетлиным, П.М. Пильским, Ю.Л. Сазоновой⁴⁰, высказал наконец во всеуслышание, притом в весьма радикальной форме: «И вот

³⁹ Адамович Г. «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1952. 12 окт. (№ 14778). С. 8.

⁴⁰ Цетлин первым среди критиков русского зарубежья попытался «вписать» «Жизнь Арсеньева» в контекст европейской и классической русской литературы. Но, в противоположность своим коллегам, искавшим и находившим в бунинской «вещи» влияние Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.-В. Гете, Ж.-Ж. Руссо, М. Пруста, Цетлин, по существу, отрицал всякое «внешнее влияние» на Бунина. В частности, не соглашаясь признавать «Жизнь Арсеньева» *романом*, Цетлин указывал на то, что это произведение «резко отклоняется от путей, по которым шло развитие художественного повествования, путей, означенных великими именами Стендала и Толстого» (см.: Цетлин М. «Современные записки» кн. 34-я: Литературный отдел // Последние новости. 1928. 1 марта (№ 2535). С. 2). Гораздо радикальнее насчет того, кому «наследовал» автор «Жизни Арсеньева», высказался Пильский: «Ив. Бунин — совершенно обособленное явление русской литературы. Совсем невозможно сказать, откуда и от кого он идет. Такой ясности, соединенной с глубиной, изящества, сродненного с простотой, слияния интеллигентности и самобытности, городских наслоений и деревенских чувствований, природы и книги, тончайшей поэзии и тончайшей реальнейшей прозы не было ни у кого, мы не знаем примера: это — наследство, полученное им ни от кого, это сын без родителей, потомок без предков, ученик без учителя, но <...> это именно — русский писатель, лишь отшлифованный европейскими влияниями, последний дворянин в литературе, пронесший в себе заветы и предания погасшего усадебного духа, овеянный дуновением родных полей, художник созерцания, но и понимания» (Пильский П. Новая книга «Современных записок» // Сегодня. Рига, 1929. 11 янв. (№ 11). С. 3). Сазонова по-своему вторила своим предшественникам: «Сколько было в русской литературе помещичьих усадеб, дворянских гнезд, картин “оскудения”, семейных преданий и описаний детства и юности от Аксакова и Льва Толстого до наших дней. Но не было в этом ничего близкого к бунинской эпопее рождения человека среди страшного великолепия России. По своему замыслу и исполнению “Жизнь Арсеньева” стоит особняком, создавая новое отношение к технике письма

что следовало бы, наконец, единодушно признать, вот до чего можно было бы без лишних споров договориться: никто никогда в русской литературе не писал так, как пишет Бунин. Чувствую на расстоянии читательское недоумение, вижу воздетые к небу руки — “да он с ума сошел! А Пушкин, а Лермонтов, а Толстой, а Гоголь?!” — и поэтому тороплюсь объясниться. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я вовсе не собираюсь утверждать, что не было в русской литературе книги, равной “Жизни Арсеньева”. Большие произведения, взятые в целом, вообще не поддаются сравнениям и не терпят их. <...> Не в таком сопоставлении дело, а в том — и только в том, что бунинского словесного совершенства, его стилистической полноты, свободы, выразительности и роскоши ни у кого из русских писателей нет. Не “Жизнь Арсеньева” в целом, нет, но одна отдельная страница “Жизни Арсеньева” есть пример и образец русского писательского мастерства. <...> Бунин именно развил, именно усовершенствовал то, чему научился он у Лермонтова, у Толстого, у Тургенева или Чехова⁴¹.

Критик как бы подытоживал все, что он прежде писал о «Жизни Арсеньева» и при этом по-новому расставлял акценты — в соответствии с тем новым пониманием бунинского произведения, которое пришло к нему еще в конце 1930-х гг.

«“Жизнь Арсеньева”, — писал Адамович, — книга о России, о русских людях, о русской природе, об исчезнувшем русском быте, о русском характере, о всем том безмерно сложном и даже таинственном, что содержит в себе географическое название страны. Но как ни богато повествование этим национальным содержанием, как в этой плоскости ни горестно оно по тону, истинная тема “Арсеньева” — иная. За Россией у Бунина — весь мир, вся не поддающаяся определению жизнь, с которой Арсеньев чувствует свое родство и связь. “Все во мне и я во всем”, можно было бы повторить знаменитую тютчевскую строку. <...> “Жизнь Арсеньева”, конечно, — прежде всего поэзия, от случайного и временного уходящая к постоянному и беспредметному, как все, что словом “поэзия” действительно достойно именоваться»⁴².

Бунин и его жена горячо поблагодарили Адамовича за эту публикацию. Так, В.Н. Бунина писала критику 20 октября 1952 г.: «Недавно прочли Вашу статью о И<ване> А<лексеевиче>. Мне было очень

романа, хотя как будто обращаясь к прошлому» (Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сент. (№ 14764). С. 8).

⁴¹ Адамович Г. «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. 1952. 12 окт. (№ 14778). С. 8.

⁴² Там же.

приятно читать ее. Вы очень тонко почувствовали в ней “Ж<изнь> А<рсеньева>”, И<ван> А<лексеевич> сам Вам о ней напишет. / Вообще в настоящее время не только хвалят, а на мой слух очень тонко и проникновенно понимают это произведение, например, статья Сазоновой — в “Н<овом> р<усском> с<лове>”» [5, с. 103]⁴³. Бунин сделал приписку: «Обнимаю и целую. И очень благодарю за прекрасную статью об “Арсеньеве”» [5, с. 104].

* * *

Роман «Жизнь Арсеньева» явился важнейшей вехой не только в творческой биографии его создателя, но и в истории всей русской литературы XX в. Сам Бунин считал, что Нобелевскую премию по литературе он получил главным образом именно за это произведение.

Уже первые фрагменты романа, печатавшиеся в эмигрантской периодике, заслуженно привлекли к себе внимание критики и читательской аудитории. И по мере обнародования все новых и новых частей «Жизни Арсеньева» интерес к ней в эмигрантской среде неизменно и закономерно возрастал.

Помимо Адамовича, на появление бунинского романа откликнулось еще, по меньшей мере, 27 критиков русского зарубежья (ряд имен упомянут в настоящей статье; см. также обзоры критических отзывов о «Жизни Арсеньева»: [2; 3, с. 368–396]).

Несмотря на то, что наряду со славословиями в адрес автора романа временами звучали и упреки (как мы видели, некоторые из них были высказаны Адамовичем), критики эмиграции, за редким исключением, сходились в том, что «Жизнь Арсеньева» — «вершинное достижение писателя» [3, с. 369].

Для Адамовича, при всей относительной независимости, а иногда и явной противоречивости его критических суждений о бунинском романе, это тоже было более чем очевидно.

Литература

1. Адамович Г. Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 317 с.

2. Вязмитинова Л.Г., Цуканов А.Л. «Жизнь Арсеньева: Юность» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3: Книги. С. 109–111.

⁴³ См.: Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сент. (№ 14764). С. 8.

3. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

4. Коростелев О. «Смерти нет!»: Г.В. Адамович о И.А. Бунине // Русская литература. 2020. № 3. С. 105–111. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-105-111

5. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–164.

6. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (1926–1939) / публ. Дж. Малмстада // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 165–219.

7. Переписка И.А. Бунина с Н.Н. Берберовой (1927–1946) / публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса; вступ. ст. М. Шраера // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2010. Вып. II / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–108.

8. Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925–1931 / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 3. С. 435–535.

9. Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287.

10. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.

Research Article

“*The Life of Arsenyev, of Course, Is Primarily Poetry*”: Georgy Adamovich on Ivan Bunin’s Novel, 1929–1952

© 2021. Anton V. Bakuntsev

Lomonosov Moscow State University,
A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The study was carried out at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01410-P). The author expresses his heartfelt gratitude to the staff of the Russian State Archive of Literature and Art, as well as to S.N. Morozov (IWL RAS) and S.R. Fedyakin (Gorky Literary Institute) for their assistance in the preparation of the article.

Abstract: The article uses the material of G.V. Adamovich’s publications in emigrant periodicals to address the problem of critical reception of I.A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev” in the late 1920s – early 1950s. Bunin in 1928–1939 published his novel in parts. At the same time, the appearance in the magazine “Sovremennye zapiski” (Paris) of each of the five books included in the novel and the release of individual book editions were preceded by the publication of fragments of “The Life of Arsenyev” in emigrant newspapers. This explains the relatively large

number of Adamovich's responses to Bunin's novel. The critic did not let "The Life of Arsenyev" out of his field of view from the time of the publication of her third book in "Sovremennye zapiski" (1929) until the first complete edition of the novel was published in the New York Chekhov Publishing House (1952). The article traces how Adamovich's attitude to Bunin's work was adjusted over the years, and how, as a result, sophisticated pickiness was replaced by unconditional admiration. The empirical material is grouped taking into account the chronology of the publication of "The Life of Arsenyev". The research methods used are the principle of historicism and comparative analysis.

Keywords: G.V. Adamovich, I.A. Bunin, "The Life of Arsenyev", the criticism, the Russian Abroad.

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaia street, 125009 Moscow, Russia; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>. E-mail: auctor@list.ru

For citation: Bakuntsev, A.V. "The Life of Arsenyev, of Course, Is Primarily Poetry": Georgy Adamovich on Ivan Bunin's Novel (1929–1952)." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 304–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-304-325>

References

1. Adamovich, G. *Oдиночество и свобода: Литературно-критические стат'и* [*Loneliness and Freedom: Literary Critical Articles*]. New York, Izdatel'stvo im. Chekhova Publ., 1955. 317 p. (In Russ.)
2. Viazmitinova, L.G., Tsukanov, A.L. "Zhizn' Arsen'eva: Iunost'" ["The Life of Arsenyev: Youth"]. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh'ia. 1918–1940* [*Literary Encyclopedia of the Russians Abroad. 1918–1940*], vol. 3: Knigi [Books]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, pp. 109–111. (In Russ.)
3. Mel'nikov, N.G., editor. *Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii (1890-e – 1950-e gody): Antologiya* [*Classic without Retouching: The Literary World about the Work of I.A. Bunin: Critical Reviews, Essays, Parodies (1890s–1950s): Anthology*]. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 928 p. (In Russ.)
4. Korostelev, O. "Smerti net!": G.V. Adamovich o I.A. Bunine" ["There's No Death!: G.V. Adamovich on I.A. Bunin"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 105–111. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-105-111 (In Russ.)
5. "Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s G.V. Adamovichem (1926–1961)" ["Letters between I.A. and V.N. Bunin and G.V. Adamovich"], publ. by O. Korostelev and R. Devis. Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 8–164. (In Russ.)
6. "Perepiska I.A. i V.N. Buninykh s V.F. Khodasevichem (1926–1939)" ["Letters between I.A. and V.N. Bunin and V.F. Khodasevich"], publ. by D. Malmstad.

Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 165–219. (In Russ.)

7. “Perepiska I.A. Bunina s N.N. Berberovoi (1927–1946)” [“Letters between I.A. Bunin and N.N. Berberova (1927–1946)”], publ. by M. Shraer, Ia. Klots and R. Devis; introd. by M. Shraer. Korostelev, O.A., and R. Devis, editors. *I.A. Bunin: Novye materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 2. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 8–108. (In Russ.)

8. “Pis'ma G.V. Adamovicha k Z.N. Gippius. 1925–1931” [“G.V. Adamovich's Letters to Z.N. Gippius. 1925–1931”], introd. note, text prep. and comm. by N.A. Bogomolov. *Diaspora: Novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 3. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 435–535. (In Russ.)

9. “Pis'ma M.A. Aldanova k I.A. i V.N. Buninym” [“M.A. Aldanov's Letters to I.A. and V.N. Bunin”], publ. by M.E. Grin. *Novyi zhurnal*, no. 80, 1965, pp. 258–287. (In Russ.)

10. Korostelev, O.A., and M. Schrubá, editors. “Sovremennye zapiski” (*Parizh, 1920–1940*). *Iz arkhiva redaktsii: v 4 t.* [“*Contemporary Annals*” (*Paris, 1920–1940*). *From the Archive of the Editorial Department: in 4 vols.*], vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 976 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2021

Одобрена после рецензирования: 10.04.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.03.2021

Approved after reviewing: 10.04.2021

Date of publication: 25.09.2021